

Ещё раз о политико-языковых противоречиях на Балканах — языки или диалекты?

Once again about political and language contradictions in the Balkans – languages or dialects?

Сапунов В.И.

Д-р филол. наук, Воронежский государственный университет

Sapunov V.I.

Doctor of Philology, Voronezh State University

Аннотация

Данная статья призвана дополнить отечественные исследования в этой сфере на основе политико-лингвистического, лингво-культурологического, историко-лингвистического и страноведческого методов. Гипотеза исследования – хорватский, боснийский и черногорский языки называются так только по политическим причинам, поскольку в них нет самостоятельной грамматики, а присутствуют лишь незначительные фонетические, морфологические и лексические различия. Язык в бывших югославских странах используется как инструмент агрессивной государственной антисербской политики.

Ключевые слова: язык, диалект, наречие, койне, диасистема, макроязык, сербский, хорватский, боснийский, черногорский.

Abstract

This paper aims to supplement domestic research in this area on the basis of political-linguistic, linguoculturological, historical-linguistic and regional studies methods. The research hypothesis is that Croatian, Bosnian and Montenegrin languages are called so only for political reasons, since they do not have an independent grammar, and there are only minor phonetic, morphological and lexical differences. The language in the former Yugoslav countries is used as an instrument of aggressive state anti-Serb policy.

Keywords: language, dialect, diasystem, macro language, Serbian, Croatian, Bosnian, Montenegrin.

Распад крупных полиэтнических государств на рубеже XX–XXI вв. нередко сопровождается крайне агрессивной языковой правительственной политикой. Наиболее рельефно это выразилось в прибалтийских республиках бывшего СССР, на Украине, в Грузии, Молдавии, некоторых республиках Средней Азии. Однако в этих случаях стоит больше говорить о примерах государственного языкового апартеида, насильственной дерусификации и ассимиляции, редко сопровождавшихся филологическими спорами (исключения Молдавия-Румыния, Украина-Россия). Разделение Чехословакии на две самостоятельные республики с очень схожими языками вообще никакой лингвистической агрессии за собой не повлекло.

В отличие от СССР и ЧССР, распад СФРЮ и агрессивная государственная языковая политика сопровождается ожесточёнными лингвистическими спорами – в основе которых вопрос, что же представляют собой формы вербального и письменного самовыражения разделившихся народов (сербский, хорватский, боснийский, черногорский) – языки или диалекты.

Данная статья призвана дополнить отечественные исследования в этой сфере на основе политико-лингвистического, лингво-культурологического, историко-лингвистического и

страноведческого методов [1]. Гипотеза исследования – хорватский, боснийский и черногорский языки называются так только по политическим причинам, поскольку в них нет самостоятельной грамматики, а присутствуют лишь незначительные фонетические и лексические различия. Язык в бывших югославских странах используется как инструмент агрессивной государственной антисербской политики.

Прежде всего поговорим о трёх недавних случаях в Хорватии и Черногории. 2 февраля 2020 г. в новостях телевидения Хорватии (HRT) показан пропагандистский сюжет о девочке Теи Лончар, которая 3 года назад вернулась жить в Хорватию из сербского Крушевца. В сюжете говорится о том, как отлично девочка учится, но к её особым успехам относится то, что «она за три года сумела выучить хорватский язык, который резко отличается от сербского».

Учительница Теи, Ивана Шегарич, объясняет, что «она лучшая ученица в школе, насколько сложно было для школьницы выучить хорватский, но она потрясающе быстро справилась с этим, хотя это ломало ей язык».

Когда у Теи спросили, какое слово на хорватском далось ей сложнее всего, она ответила «nevjerojatno» (по-сербски говорится «najverovatnije» или «verovatno»). И продолжила: «Когда ты говоришь с друзьями на КРУШЕВАЦКОМ, все просто умирают от смеха от таких слов, как "čagara, rariča, subota, nedelja, stolica, haljina" (носок, тапок, суббота, воскресенье, стол, платье – все эти слова хорваты говорят практически так же, как и сербы – с небольшой фонетической особенностью в слове nedjelja). Кроме крушевацкого, то, как говорила Теа до приезда в Хорватию, в сюжете называют «ЖУПАНСКИМ ДИАЛЕКТОМ ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА».

Естественно, сюжет вызвал бурю смеха в сербских соцсетях. И смеялись, конечно, не над девочкой, а над хорватскими журналистами. Потому что – даже если сюрреалистически принять, что хорватский – это отдельный язык, то сербы и хорваты всегда прекрасно поймут друг друга – между «языками» «найди пять отличий». В комментариях с усмешкой стали просить сербские титры, чтобы понять и в Боснии, о чём речь.

Но если приглядеться – истинный смысл сюжета не в том, точнее, не только в том, чтобы в очередной раз акцентировать внимание на своём «хорватском языке». А в том, чтобы в очередной раз указать сербам, что они должны не просто говорить на своём «наречии», чтобы их хорошо понимали в Хорватии. Они должны говорить и писать «на правильном хорватском языке» – с его многочисленными искусственно созданными неологизмами и внедряемыми в речь архаизмами, ассимилироваться и забывать о своей идентичности.

Второй случай. В первых числах января 2020 г. хорватский режиссёр Огнен Свиличич заявил, что со следующего семестра будет преподавать своим студентам в Академии драматического искусства в Загребе «на чистом сербском». Свиличич таким образом выразил протест против решения хорватской образовательной инспекции, запретивший преподавание его бывшему наставнику Мили Новаковичу – по причине того, что тот говорит «не на хорватском, а на сербском языке».

«Если в Хорватии нет больше проблем, чем то, как назвать потолок – "таваница" или "строп" – это большая проблема для Хорватии», – заявил Свиличич. «Каждый сам выбирает, как ему преподавать. Со следующего семестра буду преподавать на чистом сербском – считайте это экспериментом, поймут ли меня хорватские студенты. Если не поймут – есть словари и Гугл-переводчик». Последнее предложение – очевидная ирония. Если специально не ставить очень сложную задачу, чтобы молодёжь, родившаяся в постюгославские времена, чего-то не поняла из-за диалектных особенностей – то студенты всё прекрасно поймут.

В начале июля 2019 г. Институт учебников Черногории заменил название букваря для третьего класса гимназии с «Черногорский язык» на «Мой язык» – и это несмотря на письменный протест авторов учебника. Иными словами – убрали с титульного листа букваря название несуществующего языка. В то же время в учебнике для шестого класса основной школы «Riječ po riječ» (слово за

словом) в название титульного листа тоже поменяли название (было «черногорский язык») – но уже по другим причинам – заявили, что книга является учебником не только черногорского, но и «сербского, хорватского и боснийского языков».

Эти случаи и проблемы объединяет то, что на самом деле речь идёт не языках, а наречиях единого койне, которое было определено Вуком Караджичем, Джурой Даничичем и их коллегами – пятью хорватскими и двумя словенскими филологами – в Венском литературном договоре 1850 г. как сербохорватский язык [2]. В диалектах этой диасистемы нет существенных грамматических отличий, которые бы позволяли выделить их в самостоятельные языки, но есть, например, определённые фонетические (экавица, иекавица, икавица), лексические и морфологические отличия, а также разница в использовании кириллицы и латиницы.

К грамматическим отличиям относится, скажем, построение инфинитива (серб. Морам да идем, хорв. Moram íći). К фонетическим – произношение «е», «је», «іје» – (серб. Медвед, хорв. Medvjed, черног. Mijedvjed). Есть и морфологические отличия (серб. Део, черног. Дио, серб. Слушаоци, хорв. Slušaatelji). Пример лексических различий (серб. Универзитет, наука, историја, хорв. Sveučilište, znanost, povijest). Кроме того, кириллицу сейчас используют в Сербии и Республики Сербской. В Хорватии и боснийско-хорватском энтитете Боснии используют латиницу. В Черногории используется, как латиница, так и кириллица, хотя последнюю из официально-деловой и книжной письменности активно вытесняют.

Существуют три исторические языковые зоны – чакавская, штокавская и кайкавская, внутри них диалектов, конечно, больше – при том, что хорваты своё наречие умышленно наполнили большим количеством неологизмов и архаизмов. Но с точки зрения лингвистики «хорватский язык» – это иекавско–штокавский диалект сербохорватского как койне, макроязыка для Сербии, Хорватии, Боснии и Черногории – и это сугубо политический, а не лингвистический феномен. Так же, как «черногорский язык» – это *res quae non est* (несуществующая вещь), обычная иекавица, и, как и остальные так называемые языки, он превратился из диалекта в «язык» по политическим причинам. То, что называют «боснийским языком» и используется в хорватско–мусульманском энтитете Боснии и Герцеговины фактически ничем не отличается от иекавско–штоваского диалекта сербохорватского языка, использовавшегося во времена СФРЮ, кроме того, в нём нет новохорватских неологизмов и архаизмов.

Сербохорватский язык с середины XIX в. развивался по своим законам и правилам, и лингвистически уже не имело смысла искусственно изобретать какой-то «новый язык». Но по политическим причинам в Хорватии такие попытки предпринимались на протяжении всей второй половины XX в. Импульс этому процессу придало создание во время Второй мировой войны усташеского «Независимого хорватского государства», когда язык стали искусственно наполнять неологизмами, большинство из которых впоследствии не прижились. Но и после создания ФНРЮ, а затем СФРЮ, в Хорватии были введены более строгие (и зачастую неудобные для практического применения) правила «консервативных неологизмов», т.е. создания слов со славянской основой вместо «заимствований». После «языковой весны» 1971 г. сербохорватский язык на территории Хорватии года стали называть «хорватский или сербский». И эта политика наполнения языка неологизмами и архаизмами, в совокупности с языковым пуризмом, была доведена до абсурда после отделения Хорватии от Югославии в 1991 г.

Возникла парадоксальная ситуация – во многих случаях хорватские неологизмы, происходящие от сербских корней, вытеснили оригинальные хорватские слова кайкавского и чакавского диалектов. И зачастую разница между литературными нормами сербского, хорватского и боснийского «языков» (все они основаны на штокавском наречии) гораздо меньше, чем, например, между кайкавским и чакавским диалектами «хорватского языка».

В Хорватии не так много смелых противников языкового абсурда, но они есть. Помимо упомянутого выше примера, можно вспомнить май 2017 г., когда хорватский писатель и журналист Анте Томич разместил колонку в газете «Свободная Далмация» что-то вроде

декларации, вызвавшей широкий общественный резонанс. О том, что сербский и хорватский – это единый язык. «Хорватский язык придуман, – писал тогда Томич, – для того, чтобы держать хорватов в страхе. Прошло 25 лет с момента распада СФРЮ, но мы по-прежнему понимаем друга – отличия между тем, что называют сербским, хорватским, босанским и черногорским языками миллиметровые. Это поняла даже моя семилетняя дочь (которая поняла в детской телевизионной передаче сербское слово «шаргарепа», хорваты обычно называют морковь «mrkva»). По её примеру вижу, что те, кто говорят о том, что новое поколение, родившееся в Хорватии после развала единой Югославии, не понимает сербского, неправы».

В начале 2016 г. в Загребском университете началось активное обсуждение возвращения кириллицы в хорватскую школьную программу. Среди аргументов приводились следующие: кириллица использовалась в «древних хорватских хрониках», кириллица поможет в чтении художественной, профессиональной и исторической литературы и изучении русского языка. В частности, за возвращение кириллицы в школьную программу высказался ректор Загребского университета Дамир Борас (он же предложил изучать глаголицу, на которой хорваты тоже писали до XVI в., как предмет по выбору). С ним, в целом, согласились бывший декан филологического факультета Загребского университета, академик Йосип Братулич, и директор Хорватского института языкознания Желько Йожич.

Кириллица после распада СФРЮ в начале 90-х была исключена из школьной программы в Хорватии по политическим причинам, оставили только хорватскую латиницу (гаевицу). Сейчас специалисты-филологи предлагают преодолеть политические проблемы с помощью термина «хорватская кириллица».

И, по крайней мере, хорошо, что в нынешних условиях тема возвращения кириллицы поднимается в академических учреждениях Хорватии. Хорошо, прежде всего, для самих хорватов. Во времена СФРЮ кириллица в Хорватии использовалась практически исключительно в официальных документах, но каждый хорват мог прочитать кириллический текст и написать на кириллице, а современную хорватскую молодежь такой возможности лишают. И, разумеется, панслависты и народы, использующие исключительно кириллицу, мнению загребских ученых могут только порадоваться.

Спор между республиками бывшей СФРЮ между собой не единственный случай политико-лингвистических противоречий в регионе. Ещё один пример – спор между Болгарией и Северной Македонией.

В мае 2020 г. Болгария поставила новые условия для вступления Северной Македонии в ЕС. Новые, потому что за год до этого Македония разрешила тридцатилетние противоречия с Грецией по поводу названия страны. После того как в октябре 2018 г. власти Македонии провалили референдум о переименовании республики в Северную Македонию, они, вопреки воле народа, всё же название поменяли. Но тут Болгария потребовала признать, что македонский язык является диалектом болгарского языка.

Лингвистически же никакого самостоятельного македонского языка не существует – это диалект, койне которому болгарский язык. После Второй мировой войны «македонский язык» был кодифицирован и признан официальным в рамках общей этнической политики Тито, который искусственно акцентировал «македонскую нацию», чтобы отдалить Македонию от Сербии (вардарская часть Македонии в своё время входила в состав Сербии). Хотя на территории Македонии просто соседствовали сербы, болгары и албанцы (последних, как и в Косово, становилось и становится всё больше и больше). В период новейшей истории от болгарского македонский диалект несколько отделило привнесение в него заимствований из сербохорватского и определённых языковых явлений последнего.

И тут вопрос, разумеется, не в лингвистике, а в политике. Вопрос членства Македонии в ЕС является болезненным для Болгарии – поскольку в этом случае соседняя республика неизбежно будет нивелировать определённые преимущества, которые даёт Болгарии членство в Евросоюзе.

Поэтому язык – это лишь один из эпизодов. Македонцы, кстати, сразу стали приводить свои аргументы и говорить, что наоборот – болгарский язык – диалект македонского. В связи с этим необходимо вспомнить другой недавний иллюстративный случай (июнь 2019 г.).

Поводом для той ссоры между странами стала национальная принадлежность Георгия (Гоце) Делчева – основателя четнической партизанской организации ВМОРО (на македонском и болгарском соответственно – Внатрешна Македонско-Одринска Революционерна Организација, Вьтрешна македоно-одринска револуционна организация), воевавшей против турецких оккупантов.

Оба государства считают Делчева своим героем, а спор возник из-за его национальности. Хотя сам Делчев по историческим свидетельствам неоднократно называл себя болгаринном, он боролся и погиб за освобождение Македонии – из-за чего в этой стране считают Делчева македонцем.

Непосредственное возмущение болгар вызвало то, что Македония решила отмечать праздник Георгия Делчева 7 октября – в память о дне 1947 г., когда Болгария передала останки Делчева Македонии – в то время республике ФНРЮ. В самой Болгарии память национального героя славят 4 февраля и 4 мая – в день его рождения и гибели. И, в связи с этим противоречием, Болгария тоже угрожала заблокировать вступление Македонии в ЕС. Так что – была бы причина, а повод найдётся.

По результатам исследования можно сделать следующий вывод.

На территории бывшей СФРЮ по-прежнему фактически доминирует один язык – сербохорватский, который является койне, макроязыком для крупных диалектов – хорватского, боснийского, черногорского. В трёх исторических языковых зонах – чакавской, штокавской и кайкавской гораздо больше наречий (например, шумадийское, жупанское, истринское, далматийское), но их в отдельные языки не выделяют, поскольку на это нет политических причин.

В отдельные языки вышеупомянутые диалекты не позволяет выделить отсутствие в них самостоятельной грамматики. Фонетические, морфологические, лексические различия не являются существенными для выделения диалектов в языки. В то же время языками их называют исключительно в конъюнктурных целях – для языковой самоидентификации новообразованных стран. Язык в Хорватии, Боснии и Черногории превратился в инструмент агрессивной антисербской государственной политики с целью лишить сербов культурной идентичности, для ассимиляции сербских меньшинств и их национального унижения.

Гипотеза статьи подтверждена, исследования в этой области имеют значительные дальнейшие перспективы.

Литература

1. *Добровский В.М.* Зачатки прикладного языкознания как науки о национализме : введение. Проект. – Воронеж, 1889. – 48 с.
2. *Багдасаров А.Р.* История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940-1990-е гг. XX в.)//Славянский вестник. Вып. 2. – М.: МАКС пресс, 2004. – С. 608.